

УДК 338.1: 658.78

DOI: 10.21779/2500-1930-2022-37-4-36–51

A.M. Magomedov

От тиндарской общины до Тиндинского сельсовета: логистический анализ развития сельской территории

Дагестанский государственный университет народного хозяйства; Россия, 367008, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Джамалутдина Атаева, 5.

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; ali1955@mail.ru

Целью исследования является разработка теоретических и практических рекомендаций по совершенствованию управления сельской территорией на основе логистической концепции.

В статье использованы междисциплинарный и экономико-статистический виды анализа, применяются частные методы экономического исследования. В работе сельская территория рассматривается как локальная кластерная организация с основными подсистемами: природно-ресурсная среда, население, экономика и институциональная среда. Акцентируется внимание на сбалансированном развитии всех подсистем сельской территории как залог её устойчивого развития.

В статье анализируется исторический опыт хозяйствования одного из этносов Нагорного Дагестана – Тиндарского вольного общества в XVIII – XIX вв., который актуален сегодня в условиях системного кризиса сельской общины, обусловленным рыночными трансформациями. Как показывает анализ, сельская община системно развивалась именно благодаря использованию на практике, по сути, логистических принципов управления всеми потоковыми процессами. Сельское населениеrationально использовало природные ресурсы, формы хозяйствования соответствовали уровню развития производительных сил, институциональные нормы регулировали функционирование всей общины. Устойчивое развитие сельских территорий в перспективе возможно лишь на основе логистической концепции – кластерного подхода в управлении всеми потоковыми процессами территориальной системы сельских образований.

Ключевые слова: логистическая система, кластерный подход, региональная экономика, этноэкономика, сельская община, население, природно-ресурсная среда, институциональная среда.

Введение

С началом рыночных преобразований трансформационный спад всецело охватил сельские территории страны. Сельский быт и сельское хозяйство в ходе «шоковой терапии» буквально развалились, снизились доходы селян, катастрофически вырос уровень безработицы, увеличился отток сельских жителей в города, что привело к запустению многих сел. Поскольку в Республике Дагестан преобладает аграрный сектор и отчасти она расположена в горной местности, данный кризис оказался более разрушительным, чем в других регионах страны. В последние годы принимаются меры, направленные на устойчивое развитие сельских территорий, в особенности горных районов. Реализация этих программ, на наш взгляд, будет успешной при использовании логистической концепции управления развития сельских территорий.

Методы исследования. Проведенный на основе статистической информации сравнительный анализ позволил сопоставить процессы, связанные с развитием сельских территорий, во времени и пространстве. Метод системного анализа становится ключевым инструментом анализа хозяйственного кластера «сельская территория», выявления центров управления потоковыми процессами в ней. Ситуационный подход, используемый в работе, обеспечивает определение влияния различных факторов на оптимизацию функционирования сельских территорий на основе концепции логистики.

Результаты работы и область их применения. В начале нынешнего столетия научное сообщество признало целесообразным использование в искусственных системах логистической концепции системного управления потоковыми процессами. Для сравнения: в начале прошлого столетия стала развиваться тектология, – наука о законах и процессах организации систем в природе и обществе. Основоположником данного научного направления, не до конца оценённого современниками, является ученый-энциклопедист XX века А.А. Богданов [4]. Тектология как «всеобщая организационная наука» стала теоретической базой и методологией логистики.

Сегодня бизнес-сообщество нередко воспринимает логистику на узком бытовом уровне как транспортировку или доставку. Снабжение или доставка, конечно, выступают важнейшими элементами логистической системы и звенями цепи поставок. Однако если ограничиваться таким подходом, то это означает отступление от самой концепции логистики. Она основывается на системном подходе и направлена на оптимизацию всех потоковых процессов от источника их возникновения до конечного потребителя, включая производство, распределение, транспортировку, хранение, реализацию и потребление продукции.

Подходы ученых относительно объекта логистики эволюционировали с появлением самого научного направления до сегодняшних дней. Первоначально в качестве объекта логистики рассматривался материальный поток и связанный с ним информационный поток. Впоследствии к объектам логистики добавились финансовые и трудовые потоки. В разных системах в связи с их дальнейшим развитием могут быть выделены и актуализированы другие, специфичные для той или иной системы категории потоков. Мы же считаем обязательным дополнить данный перечень включением в логистическую систему всех объективно имеющихся потоков, в том числе природно-ресурсных и институциональных [8]. Природно-ресурсные потоки играют решающую роль в организации территориальных логистических систем, а институциональные потоки особо актуальны для социальных, логистических систем. Мы же рассматриваем территорию (регион, город, село) как природную, социоэкономическую, логистическую систему.

В ряде публикаций автор уже обосновывал идею использования логистической концепции в управлении регионом [7]. К сожалению, предложенная нами концепция не нашла должного продолжения и развития в трудах ученых-логистов. Часто логистику региона или логистическую концепцию управления регионом (территории) путают с логистикой регионального уровня, т. е. управлением цепями поставок на уровне региона. Управление цепями поставок на уровне территории весьма актуально, но объектом здесь выступает лишь логистическая инфраструктура региона. К примеру, Я.Ю. Павлова выделяет региональную логистику как элемент региональной системы [15]. Мы же предлагаем использовать логистическую концепцию управления относительно отдельной территории, т. е. признать территорию (как сельскую, так и городскую) логистической системой. А.Л. Носов справедливо отмечает, что вопрос оптимизации потоков на уровне территории или региона наименее проработан и до сих пор не имеет целостного

методологического аппарата и выделения в отдельное направление логистических исследований [13]. Акцентируя внимание на использовании логистических элементов на уровне государственного и муниципального управления, Т.В. Голощапова считает на сегодня наиболее развитым направлением использование логистического подхода на уровне города [5].

Многие авторы отмечают, что «организация логистических систем в городах имеет приоритетное значение, она помогает ускорять приспособленность экономики к существующим условиям развития производства, повышать эффективность системы жизнеобеспечения города, а главное – сокращать логистические издержки» [6]. Возможно, в будущем городская логистика станет драйвером развития сельской логистики, ибо город и село – это части единого социального организма, а все элементы системы должны развиваться пропорционально. Логистика сельских территорий, в отличие от городской – совершенно не исследованная область.

Сельские территории Республики Дагестан обладают значительным природным, демографическим, экономическим, историко-культурным потенциалом, который при рациональном эффективном использовании может обеспечить устойчивое развитие, высокое качество и уровень развития всей республики.

Республика включает в себя 10 городских округов, 41 муниципальный район и 1 участок. В сельской местности проживает 55,0 % всего населения республики (по РФ – 26,0 %, СКФО – 50,9 %). Сельские территории Республики Дагестан занимают более 61 % от общей площади (31,2 тыс. кв. км), где проживают 1689,4 тыс. человек.

Дагестан остается одним из немногих регионов, где сохраняется прирост населения, в то время как в преобладающем числе регионов Российской Федерации продолжается процесс депопуляции. В сельской местности республики находится 1551 населенный пункт. Средняя численность населения в одном населенном пункте сельской местности республики составляет 1077 человек. Сельские поселения составляют более 98 % от общего числа муниципальных образований республики, являются основной формой территориальной организации местного самоуправления в Дагестане.

Повышение роли конкурентоспособности республиканского аграрного сектора экономики во многом зависит от улучшения качественных характеристик трудовых ресурсов сельской местности, повышения уровня качества жизни на селе, более полного использования имеющихся трудовых ресурсов, привлечения высококвалифицированных кадров.

Основные причины исторически сложившейся неблагоприятной ситуации в комплексном развитии села – остаточный принцип финансирования развития социальной инженерной инфраструктуры сельской местности, высокий уровень затратности комплексного развития сельских территорий в связи с мелкодисперсным характером сельского расселения.

С учетом объективных особенностей развития сельских территорий, имеющегося значительного разрыва в уровне качества жизни на селе по сравнению с городскими территориями достижение прогресса в изменении сложившейся ситуации возможно только на условиях использования программно-целевого метода, в том числе постановки задачи, определения путей ее решения привлечением средств государственной поддержки на федеральном уровне.

К сельской территории следует относиться не просто как к экономической системе, а еще и признать ее социально-экологической системой. Логистическая концепция управления сельской территорией (муниципальным образованием) имеет свою специфику.

Изучая сельскую территорию как локальную логистическую систему, необходимо установить, что данная сельская территория является системой, подтвердить наличие в этой системе потоковых процессов, а также исследовать и разработать механизм управления потоковыми процессами в такого рода системах.

Отдельная сельская территория, выступая частью района или региона, не может восприниматься как изолированный от внешнего окружения элемент, т. е. являясь открытой системой. Вектор направленности развития региона и страны придает импульс развитию отдельных территорий. Но каждая территория имеет свой потенциал развития и свои мощности. Внутри даже одного муниципального образования встречаются территории с разными уровнями.

Любая искусственная система будет продолжать функционировать, пока будут сохраняться устойчивые связи между элементами системы при изменении воздействия внешней среды. В этом плане системное управление потоковыми процессами на практике применяли, не имея понятия о логистике, т. е. теории логистики, возможно, и не было, но на практике всегда применяли системный подход к развитию сельских территорий.

Территория – это жизненное пространство, обустройство которого должно производиться системно и комплексно, т. е. на основе логистической концепции.

Рассматривая регион (в т. ч. город, район, поселенческую территорию) как логистическую систему, необходимо выделить следующие важнейшие подсистемы: население, природно-ресурсная среда, экономика и институциональная среда, хозяйство и право. В последующем указанные подсистемы также могут быть декомпозированы до необходимого уровня исследования. Система не будет функционировать, если между подсистемами не будут организованы устойчивые связи. Каждая подсистема имеет свои структурные особенности и свои входные и выходные потоки.

Сельская территория в первую очередь – это природно-ресурсная среда и население. Для населения требуется определённый ареал расселения. Характер природно-ресурсной среды определяет и характер расселения территории. Появление тех или иных населенных пунктов продиктовано благоприятными природными условиями проживания.

При исследовании подходов организации сельских поселений в горных районах, размещения жилых и хозяйственных построек прослеживается соблюдение принципов логистики. Когда выбирали место для размещения села, в первую очередь исходили из принципов безопасности. Во-первых, села располагались на скалах, чтобы легче было защититься от внешних врагов. Благодаря горному рельефу село превращалось в неприступную крепость с охраняемыми воротами. Для размещения сельского поселения, как правило, выбиралась солнечная сторона скалистой местности, защищенная от обвалов снега зимой, селевых потоков летом и камнепадов после дождя. Обязательным условием становилось наличие родников или протекающих рядом рек. Дома строились на скалах (как крепости), потому что пахотная земля кормила горцев и ценилась на вес золота. Кроме того, дома на скалах были также сейсмически более безопасными.

Выдающийся исследователь и архитектор Г.Я. Мовчан в своей книге подмечает: «Связь жилого дома с горой в каждом этаже привела к ненужности лестницы. В старых домах ее просто не знали, во всяком случае, не употребляли» [12, с. 412]. Он приходит к выводу, что аул строился не отдельными домами, а как единое общинное целое. Разве это не является логистическим подходом?! Если поставить задачу получить компьютерную 3D-модель архитектурной застройки горного рельефа, с учетом проживаемых хозяйств, маловероятно, что модель была бы лучше реалий древних зодчих. Весьма

бесценно и следующее утверждение исследователя: в монументальности аварского дома «нужно видеть отблеск древнего воззрения: жилище в глазах горца продолжает далеко превышать утилитарные его свойства», и с горечью он отмечал в новых застройках потерю высокого уровня зодчества [12, с. 501].

Сегодня совершенно изменилась архитектура горных сел. Начиная с 50-х годов прошлого века люди стали строить добрые дома на своих земельных участках, подводить к ним автомобильные дороги. Каменные стены старых домов на скалах даже без кровли стоят как исторические памятники средних веков, тому пример известное среди туристов село-призрак Гамсутль. А вот стены новых домов на грунте через 5–10 лет дают осадок, появляются трещины, требуют капитального ремонта. Беспорядочная и хаотичная застройка, начавшаяся в период рыночных преобразований, становится проблемой при прокладывании новых автомобильных дорог и строительстве коммуникаций водоснабжения и водоотведения. Нельзя сказать, что не было генеральных планов развития сёл. Их просто с 90-х годов прошлого столетия не соблюдали. Здесь мы наталкиваемся на необходимость для системного развития сельской общины соответствующей институциональной среды, т. е. совокупности формальных и неформальных норм и правил.

Для управления системой, в т. ч. и логистической, чрезвычайно важны институты – формальные и неформальные правила функционирования системы и ее потоков. Сами институты образуют отдельный вид потоков логистической системы, а институциональный поток должен обеспечивать движение материальных и других потоков. Исследование институтов сельских общин в Нагорном Дагестане в XVII–XIX веках подтверждает то, что в каждой общине были выработаны и использовались свои нормы, правила и традиции совместного проживания людей в общине. В некоторых общинах правила даже были оформлены в виде списка адатов. Четкая регламентация общинного хозяйствования обеспечивала развитие сельских территорий на основе логистической концепции, чего не хватает в настоящее время.

Люди, заселяя определенную территорию, вынуждены соблюдать установленные правила по поводу межличностных и семейных отношений, использования природных ресурсов, а также ведения хозяйства. Возникает потребность в таких институтах и системах реализации этих институтов. Многие сельские общины Нагорного Дагестана были вольными обществами.

Политическими центрами сельских общин в Нагорном Дагестане выступали, к примеру, Анди, Аракани, Гидатль, Ругуджа, Тинди, Чох и т. д. Такого рода политический центр сельской общины в народе называли словом *шахар* (в переводе с аварского языка – город). В центрах сельских общин находились объекты политической, социальной, производственной и непроизводственной инфраструктуры. Скот же практически в таких центрах общин не держали. Жители отселков и хуторов приезжали в центр для удовлетворения тех или иных потребностей. Но были и работники, к примеру, плотники, портные, каменщики, кузнецы или мельники, без которых не существовало село. Приезжим ремесленникам выделяли землю из общинной собственности. Исторически сложившаяся система общинного проживания отвечала всем логистическим принципам построения поселенческой сети со всеми инфраструктурами.

Таковым было и Тиндарское общество, которое включало в себя, помимо самого Тинди, и сёла Ангиди, Акнада, Аща, Тисси, Тисси-Ахитли, Гундучи, Гадайчи, Эчеда, а также множество хуторов с политическим центром в с. Тинди. Отметим, что в сельской общине Тинди не было семей, которые не имели свои хутора. Лишь вокруг одного села Тинди имелось более 200 больших и мелких хуторов. Так, в 1886 г. царской адми-

нистрацией была проведена перепись населения в Дагестане. В селе Тинди перепись, была проведена не по кварталам, а по его отселкам и хуторам, и при этом были охвачены все жители, что подтверждает факт наличия хуторов у всех хозяйств.

Территория Тиндальского общества находится в восточной части нынешнего Цумадинского района – между Богоским хребтом и рекой Андийское Койсу. С этим вольным обществом в разное время в «конфедеративных», по определению проф. М.А. Агларова [1], отношениях находились багулалы и хваршины. Общество заключало союзы и с другими соседними вольными обществами (чамалинцев, каратинцев), велась переписка и с царём Кахетии. В Грузии данное общество было известно под названием Богос или Дибо.

Некоторые хутора, разрастаясь, становились отселками. Отселки имели свою территорию и джамааты, принимали участие в управлении, выделяли подати для обеспечения коллективной безопасности. Самый дальний отселок Эчеда выкупил самостоятельность у метрополии Тинди ещё в Средние века.

Отношения отселков и хуторов с Тинди строились не на основе подчинения, а на взаимоуважении. Основная масса жителей в обществе – уздены, т. е. свободные граждане своих небольших республик. В то же время спорным является утверждение Б.Р. Алиева, что «селения Акнада и Ангидя всегда были исключительно самостоятельными джамаатами и никогда никому не подчинялись» [2, с. 47]. В период Аварского нуцальства данью облагались все селения Тиндальского общества, а при царской администрации во второй половине XIX века была организована строгая вертикаль власти. Уздены были и собственниками, и гражданами. Они обладали правовым иммунитетом, влияли на характер власти и, что не менее важно, являлись носителями и хранителями лучших нравственных характеристик дагестанцев [9, с. 23]. «Паразитирующих» на чужом труде среди тиндалов, как пишет профессор М. Магомедханов, также не было. Решения принимались сообща джамаатом или представителями джамаатов сёл и хуторов общества. Устанавливая советскую власть в Дагестане, большевики исходили из теории классовой борьбы, чем и объясняется массовое сопротивление горцев. Единичные случаи использования наемного труда не определяли тенденции в развитии общества. Горцы от революции хотели получить свободу от царского режима, но потеряли самостоятельность и те права, которые были сохранены даже при царизме. Разрыв естественного развития институциональных основ катастрофически отразился на общественно-хозяйственном строе.

Динамика численности населения территории отражает развитие социально-экономической системы в целом. Мы не располагаем данными о численности населения Тиндальского общества до присоединения к России. В 1886 г. царской администрацией была проведена перепись населения Дагестанской области и составлены посемейные списки, в т. ч. и тиндаллов (тиндинцы) в составе Андийского округа. Позднее на основе посемейных списков этнографами была определена общая численность этносов, населявших Андийский округ. В посемейных списках тиндалы, как и другие этносы округа, были записаны как аварцы. Этносы Андийского округа никогда не противопоставляли себя аварскому народу, общим языком в округе был аварский, но «домашним» языком указали в переписных листах «тиндальский». Разумеется, язык андо-дидойских этносов всегда отличался от языка собственно аварского народа, и никакой ассимиляции с аварским языком не произошло и не предвидится.

После революции, а именно в 1926 г., при переписи андо-дидойских этносов не включили в состав аварцев, их записали как отдельную народность. Вероятно, тогдашним большевикам у власти импонировала «разделяй и властвуй». Но результаты той переписи со всеми недостатками и достоинствами имеют в этнографии историческое значение.

Таблица 1. Численность тиндинцев в местах компактного коренного проживания по данным переписи¹

Населенные пункты	1886 г.	1926 г.			1939 г.
		наличное население	временно отсутствовали	всего	
Акнада	502	519	59	578	
Ангигда	471	517	99	616	
Аща	187	261	24	285	
Тинди	1678	1779	72	1851	
Тисси	204	331	24	355	
Эчеда	220	202	—	202	
Всего тиндинцев	3262	3609	278	3887	5800
Численность аварцев в Дагестане	159 160			177 187	235 722
Доля тиндинцев в составе аварцев, %	2,05			2,15	2,46

* Составлено автором по данным официальных переписей [11; 16].

В 1944 г. жители трёх тиндарских сёл (Акнада, Ангигда и Аща) были принудительно переселены в Чечню, а в 1957 г. повторно переселены в местность, где ныне находится с. Акнада Кизилортовского района. Поэтому лишь по данным довоенных переписей мы можем судить о действительной доле тиндинцев в общей численности аварцев и приблизительно оценить численность этого этноса в настоящее время. В одной из монографий ДНЦ РАН, изданной в 2009 г., говорится, что численность тиндаллов, по оценочным сведениям, около 10 тыс. чел. [14, с. 4]. Однако в 2010 г., по данным официальных переписей, в Цумадинском районе и в с. Акнада проживали более 9 тыс. чел. На наш взгляд, оценочные данные о численности тиндинцев в нашем исследовании сильно занижены, в 2–2,5 раза.

Многие тиндинцы в послевоенные годы стали переселяться на равнину. Земля в бывшем Тиндарском обществе уже не могла прокормить возросшее население, а производительность сельскохозяйственного производства была низкой, если к тому же учитывать их средневековые орудия труда. Если доля тиндинцев в общей численности аварцев росла в довоенные годы (см. табл. 1), нет оснований предполагать, что их доля снижалась в послевоенные годы. Тем более рождаемость в тиндинских семьях была относительно выше, чем в целом у аварцев. Таким образом, мы смело можем сказать, что сегодня доля тиндинцев составляет не менее 2,5 % численности аварского населения.

Или же возьмём, к примеру, жителей села Акнада Кизилортовского района, где в 2020 г. проживали 4,4 тыс. чел. Как уже было сказано, они были дважды принудительно переселены и расселились по всей северной части Дагестана, начиная с Махачкалы. В самом же Акнада Кизилортовского района проживает меньше половины выходцев указанных трех сёл. Таким образом, акнадинцев (включая ангидинцев и ащинцев) в действительности более 9 тыс. чел. По данным первой переписи (1886 г.), жители этих трёх сел в общей численности тиндинцев составляли чуть более одной трети. В таком случае общая численность тиндинцев на сегодня должна быть не менее 25 тыс. чел.

Таблица 2. Численность тиндинцев в местах компактного проживания по данным переписи

Населенные пункты	1970 г.	1989 г.	2010 г.	2021 г.
Тинди	1496	1289	3352	3680
Тисси	348	292	577	662
Эчеда	320	527	1122	1200
Акнада, Ангиды и Аща				133
Итого в Цумадинском районе	2164	2108	5051	5675
Акнада в Кизилюртовском районе	2727	2313	4014	3865
Всего	4891	4421	9065	9540

*Составлено автором по данным Росстата.

Население территории, используя свою природно-ресурсную среду как важнейший элемент логистической системы, организует хозяйственную деятельность, т. е. экономику. Экономика Тиндальского вольного общества основывалась в равной степени на скотоводстве и земледелии. По данным той же переписи 1886 г., мы можем судить об имевшихся площадях пахотных земель и возможных сборах зерновых.

Таблица 3. Сведения о площадях пахотных земель и сборах зерна в 1886 г.

Населенные пункты	Площадь пашни		Валовый сбор зерна, т	Объемы зерна для потребления и продажи	
	пуд посева	га		всего, т	на душу населения, кг
Акнада	875	54	108	94	186
Ангиды	772	48	95	83	175
Аща	354	22	44	38	202
Тинди	8434	519	1037	902	538
Тисси	455	28	56	49	239
Эчеда	280	17	34	30	136
Итого	11170	687	1374	1195	366

*Составлено автором по данным [16].

Как видно из таблицы 3, если нормой потребления зерна в пищу и на фураж принять 19,5–20,5 пудов (примерно 320 кг), то тиндинцы в полном объеме обеспечивали себя зерном.

Известный этнограф М.О. Османов пишет, что норма потребления зерна в пищу на душу населения в высокогорье составляла 120 кг в год, а недостаток хлебной продукции восполнялся употреблением больше других молочных, мясных, растительных продуктов [14, с. 80]. Эта цифра отражает средние данные по высокогорью Дагестана. Однако до революции в горах были и общества, которые славились своим хлебом, к их числу относилось и Тиндальское общество.

Основным производителем пшеницы являлось собственно с. Тинди, которое обеспечивало и другие близлежащие сёла. Пшеницу обменивали на скот и фрукты, а также на мануфактуру. На землях Акнада, Ангиды, Аща выращивали преимущественно ячмень и овёс как фуражные культуры для скота. В свою очередь, указанные села имели значительные территории пастбищ, которые позволяли специализироваться на скотоводстве. Таким образом, в хозяйствах с. Тинди и остальных сел Тиндарского общества производились сельхозпродукты, взаимодополняющие друг друга как элементы целостного хозяйственного кластера. По другим позициям жизнеобеспечения общества могли быть задействованы «внешние» связи с другими территориями.

В сельских общинах совместное землепользование во многом диктовалось исключительно необходимостью. К примеру, определялись сроки начала и окончания тех или иных этапов сельскохозяйственных работ. Дороги, по которым ранней весной или поздней осенью носили навоз на земельный участок, пролегали через соседние участки, которые должны были быть свободными от посевов. Пашни после уборки урожая осенью использовались как общие пастбища для сельского скота. Разумеется, к установленному сроку должны были собирать урожай, чтобы использовать эти земли под пастбища. Можно привести много примеров, регламентирующих землепользование в сельских общинах того периода на основе, как принято сейчас говорить, логистических принципов. Некоторые логистические принципы землепользования в горах сохранились в виде традиций и обычаев. Однако наступление рыночных, индивидуалистских подходов размывает устои общинного землепользования, основанного на исторически сложившемся веками системном подходе, что говорит об отсутствии логистического подхода в данном вопросе.

Отдельно следует изучить вопросы организации скотоводства в сельских общинах рассматриваемого периода и связанную с ними хуторную систему. Скот в основном в горах содержался зимой в хуторах, а летом – на пастбищах или на фермах, расположенных на альпийских лугах. На это обратил внимание ещё в XIX веке исследователь Е. Марков: «Хутора... населяются только зимою, когда невозможно держать скот на пастбищах, а приходится загонять его под крышу, где уже заранее собрано сено, рубленая солома и всякое зерно» [10]. Он же отмечает, что летом на хуторах не жил никто. Разумеется, там находились батраки или невольники, которые работали на полях и заготавливали корма для скота на зиму. Следует отметить, что близлежащие хутора были основаны крупными землевладельцами, которые проживали в селах – политических центрах общин. Заметим также, что невольники, получив свободу и земельные участки от хозяев, оставались жить в тех же хуторах. Такого рода хутора затем превращались в отселки и сёла. Немало было и семей, которые постоянно жили в хуторах, не имея своего дома в селе. Так, по данным переписи 1926 года, население Тиндинского сельсовета (без с. Тисси) составило 1779 чел., из которых в самом Тинди проживало лишь 386 чел., т. е. около 80 % населения проживало в 29 хуторах. Такого рода хутора и семьи в горных районах сохранились вплоть до XXI века. Правда, сейчас к этим хуторам построены автомобильные дороги и подведены линии электропередач.

Пастбища, на которых содержался скот жителей, имели общинную собственность и распределялись пропорционально поголовью скота. Что касается сенокосных участков, они распределялись по жребию между членами общины равными долями. Таким образом сенокосные участки и сегодня распределяются в с. Аща между проживающими ныне здесь семьями.

При возделывании зерновых культур в горах было распространено исключительно богарное земледелие. Вода использовалась лишь для орошения садов, расположенных в поймах рек.

Известно, что в некоторых странах колодцы или родники могли быть в частной собственности. Однако в сельских общинах Нагорного Дагестана вода всегда была собственностью общины. Вода могла протекать по территории чужой общины и быть достоянием совершенно другой сельской общины. Все трудоспособные мужчины села участвовали в работах по созданию и обслуживанию инфраструктуры водоснабжения. Кстати, и сегодня водоснабжение в сельских районах Дагестана во многом определяется историческими традициями общественного пользования и содержания. Бюджетные средства муниципалитетов не покрывают даже десятую долю расходов на эти цели. Сельские жители устраивают субботники и собирают пожертвования для установки и ремонта водопроводов и строительства водохранилищ.

Вода для орошения распределялась между членами общины согласно принятым в этих общинах правилам. В некоторых селах воду распределяли пропорционально орошающим площадям, а в некоторых – равное количество на хозяйство. Право на воду можно было отчуждать, передавать, продавать и наследовать. Община назначала смотрителей, которые следили за распределением и использованием воды. Как видим, здесь наблюдается логистический подход в распределении водных ресурсов в сельской местности. В Древних Афинах распределением продовольствия занимались логисты. В нашем случае распределение воды для орошения садов и полей становилось не менее важной логистической задачей, определяющей продовольственное обеспечение жителей села. Работников, занимающихся распределением воды в сельских общинах в Нагорном Дагестане в XVII–XIX вв., сегодня тоже можно было называть логистами. Они следили и распределяли воду, с одной стороны, справедливо, а, с другой – эффективно. Так, хозяйства, которые из-за засухи остро нуждались в воде, могли получить её по их заявкам в ночное время.

В самом Тинди сегодня питьевая вода проведена почти в каждый дом, она частично используется и для орошения огородов и садов перед своими домами. Поэтому в летние месяцы в отдельных кварталах бывают проблемы с водой. Село расширяется, строятся новые дома на приусадебных участках, но сеть водоснабжения и водоотведения строилась и строится не по генплану. Следует продумать вопрос о водоснабжении села в будущем, в особенности по части орошающей воды.

Естественный ход развития тиндарского общества как системы был нарушен массой катаклизмов первой половины XX века: гражданская война, колхозное строительство, Великая Отечественная война, принудительное переселение сёл и т. д.

Колхозы в горных районах максимально старались учитывать исторический опыт системного подхода в организации сельской жизни. Кооперирование сельского хозяйства рассматривалось как новый этап повышения эффективности общественного производства. Но эффективность производства не может повышаться без использования техники, а в сельском хозяйстве – это машины, комбайны, тракторы и т. д. В горных районах не могли применять такого рода технику, это сейчас появились разного рода средства малой механизации и машины для работы в пересеченной местности, построили автомобильные дороги ко всем отселкам и хуторам. Поэтому колхозы в горах были чужеродными элементами, во многом убыточными и с обязательной трудовой повинностью. Чтобы решить проблему убыточности колхозов, стали организовывать кутанные хозяйства на равнинной части. Плановые переселения хозяйств из горных районов Дагестана на равнину, испытывающие недостаток в рабочей силе, начались с

1924 г. Однако стихийное переселение населения в города и заселение равнины горцами началось сразу после революции. Оно было вызвано перенаселением горных районов и острой нехваткой земли. В среднем на одного трудоспособного колхозника в горах приходилось 0,8 га посевной площади, а на равнине – 29 га [3]. Семьи колхозников с горных районов не «понаехали» на все «готовое», а упорным трудом пустынные земли преобразовали в плодородные нивы, сады и виноградники. Государство, правда, для этого оказывало техническую, финансовую и организационную помощь. Территория современного Бабаюртовского района, куда в основном переселялись колхозы тиндалов, до середины XIX века не имела постоянного населения. Как пишет Ш. Хапизов, «только в зимнее время здесь скапливались огромные отары мелкого рогатого скота, пригоняемые с аварских селений. Кроме них, здесь располагались и ногайские кочевья» [18].

В годы советской власти сельские советы и колхозы административно были организованы в крупных сёлах, а близлежащие хутора и отселки входили в них. Политика укрупнения колхозов и ликвидации «неперспективных» населённых пунктов в 60–70-е гг. прошлого столетия привела к исчезновению небольших сел со всей инфраструктурой и изменению поселенческой сети.

Во второй половине XX в., после череды потрясений, социально-экономическая жизнь села приобретает относительную устойчивость. Отгонное скотоводство колхозов и зерноводство на кутанных хозяйствах положительно повлияли на экономику горных колхозов. Условия жизни населения в целом стали улучшаться, хотя годы эти впоследствии были объявлены годами застоя. Но структурные разрушения в сельской жизни последовали с распадом страны и всей системы в целом. Колхозы были также «развалены», а их имущество оказалось в руках отдельных «деловых» людей. Растениеводство в горах стало полностью убыточным, а рынок, как известно, санирует убыточный бизнес.

Так, площадь пахотных земель в сельском поселении (СП) «Тиндинский сельсовет» сегодня составляет 450 га, что на треть меньше, чем было в начале прошлого века. Если еще в 2000 г. засевали 90 % пашни, то в 2020 г. – лишь 10 %. Парадоксальная ситуация сложилась в горах: свободной земли для молодых семей нет, и в то же время земля не обрабатывается. Тридцать лет назад пахотная земля была распределена как приусадебные участки между хозяйствами (примерно 0,4 га на хозяйство), так и осталась за ними.

Вопрос о праве собственности на землю, при острой её нехватке и религиозных чувствах, всегда был актуальным для горцев. При советской власти многие колхозники, если даже получали по жребию тот или иной участок, осуществляя взаимообмены между собой, умудрялись получать участок, ранее принадлежавший их предкам. А если по решению властей выделяли кому-то участок для строительства дома, мало кто начиндал строительство без согласия на то бывшего собственника земли.

После распада колхозов многие жители стали претендовать на земли, принадлежавшие своим предкам, однако не могут подтвердить право собственности на землю ни документально, ни посредством свидетельских показаний. В других горных сёлах, где участки имеют четко очерченные рельефом границы земельных угодий или возведенных террас, вопрос этот решается легче, поскольку из поколения в поколение известно о том, кому принадлежит та или иная земля. В самом с. Тинди более половины земельных угодий представляют, хоть и на пересеченной пологой местности, одно целое поле без явных границ. Но претендентов на тот или иной клочок земли наберется сегодня чуть ли не 30–40 чел. В этих условиях не может быть решен вопрос о получении земли

наследниками бывших собственников земли. Но и без хозяина землю оставлять нельзя. Земля на скалистой пологой местности легко подвергается эрозии – если не обрабатывать, перестанет быть плодородной, а то и вовсе выйдет из сельхозоборота.

На сельском сходе всем жителям следует добровольно отказаться от притязаний на право собственности на землю (по родовому признаку), признать её коллективной собственностью и выработать справедливый механизм сдачи её в аренду землепользователям. В любом случае существующие земельные ресурсы в горах, если даже их использовать на основе самых передовых агротехнологий, в состоянии обеспечить минимальный уровень жизни населения данной территории не более чем на 10 %.

Общий прожиточный минимум всего населения СП «Тиндинский сельсовет» – 547 млн руб. Потенциал пахотных земель составляет примерно 900 т. Зерна в стоимостном выражении – 13,5 млн руб. в год, т. е. 2,5 % к прожиточному минимуму.

Численность постоянного населения в СП «Тиндинский сельсовет» – 3,6 тыс. чел., в т. ч. 77,5 % населения в трудоспособном возрасте. Занят трудовой деятельностью в самом селе 251 чел., т. е. 9 % от трудоспособного населения, а количество официально зарегистрированных безработных 461 чел., т. е. 16,5 % от трудоспособного населения.

Относительно развитым направлением сельского хозяйства является скотоводство. Однако лишь порядка 30 семей занимаются исключительно скотоводством в качестве основного источника доходов. Еще имеется незадействованный потенциал пастбищ, столько же семей могут заняться этим видом деятельности. Но это в принципе не решает проблему занятости населения территории.

В свое время (начало XX в.) проблема недостатка продуктов и предметов жизнеобеспечения, представлявшая угрозу для существования и естественного воспроизведения населения, способствовала появлению отходничества как элемента экономики [14]. По данным переписи 1926 г., 96 тиндинцев были зарегистрированы «как ушедшие на заработки», т. е. 5 % численности населения. Относительно других районов высокогорья это явление ещё не носило массовый характер, но в последующем стало таковым, пока всех не «загнали» в колхоз.

Жителей высокогорных сел, в том числе и Тинди, можно сегодня условно разделить на четыре группы. Первая группа – это пенсионеры, постоянно проживающие в самом селе и по мере возможностей ведущие свои личные приусадебные хозяйства. В селе пенсионеров по старости 499, по инвалидности 83 чел. Общее число граждан, нуждающихся в социальной защите, 1127 чел.

Вторая группа – служащие, учителя и другие работники, имеющие ежемесячные доходы в виде заработной платы. Эта группа в Тинди насчитывает 251 чел., они также ведут свои хозяйства, но летом в равнинных районах берут в аренду землю, выращивают овощи (в основном репчатый лук) для последующей продажи.

Третья группа – жители села, не имеющие постоянного заработка в селе, основным источником доходов которых является отходничество. Эта группа берет свое начало еще с 70-х годов XX в. Мужчины, «свободные» от труда в колхозе, выезжали на сезонные заработки в другие регионы. После раз渲ла колхозов стали выезжать целыми семьями, вначале занимались на сельхозработы, ну а потом сами стали брать в аренду земли и обрабатывать их.

Четвертая группа – имеющие дома и прописку в сёлах, временами, по случаю приезжающие в сёла (в основном летом для отдыха), но постоянно проживающие в городах после рыночных преобразований, где ведут свой бизнес или имеют постоянную

работу. Представители данной группы принимают активное участие в жизни села, расходуют средства на развитие социальной инфраструктуры.

В составе трудоспособного населения указанные группы имеют, по нашим подсчётам, следующие доли соответственно: 21, 9, 40, 30 %.

Основу экономики СП «Тиндинский сельсовет» составляют 1 – СПК, 12 – КФХ, 385 – ЛПХ и общая закрепленная площадь 8652 га сельхозугодий. На наш взгляд, упор следует делать на развитии органического сельского хозяйства в горных районах Дагестана. Фрукты, овощи и продукты животноводства горных районов по вкусовым качествам не сравнить с продукцией равнинных районов. Но горцев нужно научить ещё маркетингу, для сельских жителей требуется рынок, где можно по реальным ценам реализовать свою продукцию. Производителей сельхозпродукции следует заинтересовать к объединению посредством потребительских и производственных кооперативов.

Муниципальный бюджет СП составляет примерно 5 млн руб. при дотационности 80 %. Средства муниципального бюджета в расчёте на душу населения составляют 13–15 тыс. руб. в год. Как видим, экономика территории со своими скучными природными ресурсами не в состоянии обеспечить необходимый уровень жизни для имеющегося населения. Плюс к тому институциональная среда (нормы, правила, традиции хозяйствования) которая не соответствует насущным потребностям логистической организации кластера сельской территории. В этой связи вполне можно утверждать, что сельские территории находятся в системном кризисе.

Для экономики горных районов в последние годы приобретает актуальность развитие туризма. Для развития туризма требуется соответствующая инфраструктура. В этом плане очень важна господдержка, благодаря которой реконструируют, асфальтируют и прокладывают новые автомобильные дороги, газифицируют высокогорные сёла, становятся доступными мобильная связь и Интернет. Однако туристическая деятельность может в ближайшем будущем создать не более ста рабочих мест, и в скором времени ожидать большого потока туристов не придется. При этом заметен тренд на то, что горные районы становятся местом отдыха и рекреации для выходцев из этих мест, проживающих в городах и равнинных районах, что немаловажно для развития сельской территории.

Выводы

Исторически сложившаяся сельская община тиндинцев (бесписьменной народности Нагорного Дагестана) в XIX веке была относительно устойчивой в своем развитии. Природно-ресурсный потенциал, население, экономика и институциональная среда сельской общины представляли собой гармонично развивающиеся подсистемы локальной логистической системы данной территории. Последовавшие разрушения структурных связей системы в результате социальных катаклизмов в первой половине прошлого (XX) века были восстановлены лишь в 60–70 гг. Однако в конце 90-х годов рыночные преобразования окончательно разрушили устойчивость сельской общины. Между основными подсистемами сельских территорий возникли разрывы связей, которые привели к системному кризису. Устойчивое развитие сельской территории не может быть осуществлено без использования логистической концепции – системного управления потоковыми процессами. Природно-ресурсная среда и население сельских территорий еще таят в себе возможности для подъёма экономики региона. Однако необходима и соответствующая институциональная среда. Органическое сельское хозяйство, сбор

лекарственных растений, рекреация, отдых и туризм являются перспективными направлениями хозяйственной деятельности в горных районах.

Литература

1. *Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – Махачкала, 2014. – 290 с.
2. *Алиев Б.Р.* «Кавказская Сибирь»: селения Акнада, Ангиды, Аща (к истории и этнографии тиндалов). – Махачкала, 2011.
3. *Алиева Б.А.* Из истории переселенческого движения в Дагестанской АССР (1924–1966 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. 2012. № 1. – С. 88–95.
4. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. – М., 2003.
5. *Голощапова Т.В.* К вопросу применения элементов логистики в государственном и муниципальном управлении // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Сер.: Экономика. 2020. № 3 (62). – С. 13–18.
6. *Климова В.В., Зюрина О.А.* Анализ направлений развития городской логистики и формирования цифровых технологий // Вестник СамГУПС. 2019. № 2 (44). – С. 39–46.
7. *Магомедов А.М.* Логистика регионального уровня // Логистика. 2004. № 4. – С. 20–23.
8. *Магомедов А.М.* Логистика сегодня: иной взгляд на основные положения и понятия // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. – С. 339.
9. *Магомедханов М.М., Мусаева М.К.* Тиндали: этнографические очерки (XIX – нач. XX в.). – Махачкала, 2009.
10. *Марков Е.* Очерки Кавказа. – СПб., 1887.
11. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Дагестанской АССР. Вып. 1. Список населённых мест Дагестанской АССР. – Махачкала: Издание Дагстатауправления, 1927.
12. *Мовчан Г.Я.* Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. М., 2001. – 525 с.
13. *Носов А.Л.* Инновационное развитие экономики страны должно опираться на региональную логистику // Инновационное развитие экономики. 2015. № 3 (27). – С. 32–36.
14. *Османов М.О.* Отходничество – составной элемент этноэкономики Дагестана в XVIII–XIX вв. // Вестник института ИАЭ. 2006. № 4. – С. 78–94.
15. *Павлова Я.Ю.* Структура региональной логистики // Вестник КрасГАУ. 2013. № 3. – С. 9–15.
16. Посемейные списки населения Дагестанской области 1886 года переписи населения 1897 и 1926 годов (Статистический справочник) / ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала: Наука плюс, 2005. – 120 с.
17. *Пустохина И., Пустохин Д.* Городская логистика как элемент устойчивого развития городов: система каршеринга // Логистика. 2018. № 6 (139). – С. 28–32.
18. *Хапизов Ш.М.* Историческая география Бабаюртовского района (XVIII–XIX вв.) // Труды Географического общества РД. 2014. № 42. – С.119–124.

References

1. Aglarov M.A. Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v. – Mahachkala, 2014. – 290 s.
2. Aliev B.R. «Kavkazskaya Sibir'»: seleniya Aknada, Angida, Ashcha (k istorii i etnografii tindalov). – Mahachkala, 2011.
3. Alieva B.A. Iz istorii pereselencheskogo dvizheniya v Dagestanskoj ASSR (1924–1966 gg.) // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. 2012. № 1. S. 88–95.
4. Bogdanov A.A. Tektologiya. Vseobshch. organizac. nauka. – Moskva, 2003.
5. Goloshchapova T.V. K voprosu primeneniya elementov logistiki v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii // Vestnik Povolzhskogo gosudar-stvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika. 2020. № 3 (62). – S. 13–18.
6. Klimova V.V., Zyurina O.A. Analiz napravlenij razvitiya gorodskoj logistiki i formirovaniya cifrovyh tekhnologij // Vestnik SamGUPS. 2019. № 2 (44). – S. 39–46.
7. Magomedov A.M. Logistika regional'nogo urovnya // Logistika. 2004. № 4, s. 20–23.
8. Magomedov A.M. Logistika segodnya: inoj vzglyad na osnovnye polozheniya i ponyatiya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 5. – S. 339.
9. Magomedhanov M.M., Musaeva M.K. Tindaly: etnograficheskie ocherki (XIX – nach. XX v.). – Mahachkala, 2009.
10. Markov E. Ocherki Kavkaza. – SPb., 1887.
11. Materialy Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1926 g. po Dagestanskoj ASSR. Vyp. 1. Spisok naselyonnyh mest Dagestanskoj ASSR. g. Mahachkala: Izdanie Dagstatupravleniya, 1927.
12. Movchan G.YA. Staryj avars'kij dom v gorah Dagestana i ego sud'ba. – M., 2001. – 525 s., il.
13. Nosov A.L. Innovacionnoe razvitiye ekonomiki strany dolzhno opirat'sya na regional'nuyu logistiku // Innovacionnoe razvitiye ekonomiki. 2015. № 3 (27). S. 32–36.
14. Osmanov M.O. Othodnichestvo – sostavnoj element etnoekonomiki Dagestana v XVIII–XIX vv. // Vestnik instituta IAE. 2006. № 4. – S. 78–94.
15. Pavlova YA.YU. Struktura regional'noj logistiki // Vestnik KrasGAU. 2013. № 3. – S. 9–15.
16. Posemejnye spiski naseleniya Dagestanskoy oblasti 1886 goda perepisi naseleniya 1897 i 1926 godov (Statisticheskij spravochnik) / IIAE DNC RAN. – Mahachkala: ID Nauka plus, 2005. – 120 s.
17. Pustohina I., Pustohin D. Gorodskaya logistika kak element ustojchivogo razvitiya gorodov: sistema karsheringa // Logistika. 2018. № 6 (139). – S. 28–32.
18. Hapizov SH.M. Istoricheskaya geografiya Babayurtovskogo rajona (XVIII–XIX vv.) // Trudy Geograficheskogo obshchestva RD. 2014. № 42. – S.119–124.

Поступила в редакцию 29 октября 2022 г.

UDC 338.1: 658.78

DOI: 10.21779/2500-1930-2022-37-4-36-51

From the Tindal Community to the Tindinsky Village Council: a Logistic Analysis of Rural Development

A.M. Magomedov

Dagestan State University of National Economy; Russia, 367008, Republic of Dagestan, Makhachkala, J. Ataev st., 5.

Dagestan State University; Russia, 367000, Republic of Dagestan, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; ali1955@mail.ru

The aim of the study is to develop theoretical and practical recommendations for improving the management of rural areas based on the logistics concept. The article uses interdisciplinary and economic-statistical types of analysis and private methods of economic research. In the work, the rural territory is considered as a local logistical cluster organization with the main subsystems: natural resource environment; population; economy and institutional environment. Attention is focused on the balanced development of all subsystems of the rural area as a guarantee of its sustainable development. The article analyzes the historical experience of managing one of the ethnic groups of Nagorny-Dagestan – the Tyndal free society in the 18–19 centuries, which is relevant today in the conditions of a systemic crisis of the rural community, due to market transformations. As the analysis shows, the rural community developed systematically due to the use of the essentially logistical principles of managing all stream processes. The rural population rationally used natural resources, forms of management corresponding to the level of development of its productive forces; institutional norms regulated the functioning of the entire community. Sustainable development of rural areas in the future is possible only on the basis of a logistical concept – a cluster approach to managing all the current processes of the territorial system of rural entities.

Keywords: *logistics system, cluster approach, regional economy, ethno-economy, rural community, population, natural resource environment, institutional environment.*

Received 29 October 2022